

АНГЕДОНИЯ КАК
КОМУНИКАТИВНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН.
УКРАИНСКИЙ КОНТЕКСТ

Марина Препотенская*

ANHEDONIA AS A
COMMUNICATION AND PSYCHOLOGICAL
PHENOMENON WITHIN
THE UKRANIAN CONTEXT

Marina Prepotenskaya

Abstract. The article is dedicated to the investigation of anhedonia within the Ukrainian context. It identifies social psychological determinants of this phenomenon on the individual and collective levels: development of the syndrome of victimization in the historical cultural sphere, cognitive dissonance under the condition of peace and war, politicization of the information communication space, media stress, and pop psychology. The paper determines the paradoxes of the Ukrainian anhedonia, including social hyperactivity of people suffering from this phenomenon, the domination of negativism in media and informal communication, transformation of individual symptoms of anhedonia into the social form. The author offers the following social ways of correcting the problem: reforms of mass media, intensification of psychological diagnosis and rehabilitation services, and development of the psychological correction of the actualization potential of practical philosophy.

Keywords: anhedonia; depression; the loss of “award anticipation”; cognitive dissonance; victimization; media stress; pop psychology; Ukrainian paradoxes of anhedonia; correction; reforms.

Общеизвестно, что депрессивные расстройства личности лидируют среди психологических патологий в масштабе человечества. Панорама такого рода расстройств, их диапазон довольно богат: от

* **Марина Препотенская** – профессор, доктор философских наук, Кафедры философии Национального технического университета, „Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского“, г. Киев, Украины, e-mail: gautama05@ukr.net

навязчивых проявлений меланхолии и пессимизма до клинических картин заболеваний. Также очевидно, что уровень депрессий и связанных с ней виктимных или даже суицидальных наклонностей не всегда напрямую зависит от уровня жизни. В частности, статистика в таких развитых государствах, как Норвегия, Япония, США, свидетельствует о наращивании экзистенциальных личностных кризисов и самоубийств среди населения. По данным ВОЗ каждые 40 секунд на планете происходит суицид (World 2018), и в целом – психическое здоровье человечества находится в критическом состоянии (Психическое здоровье – <https://focus>). Следовательно, обращение к данной проблеме является весьма актуальным, а поиски ее первопричин и способов коррекции необходимы для практического выживания в эпоху антропологического кризиса. Не менее важным заданием может быть выявление локальных детерминант деструктивных состояний, связанных с ментальностью народа, историей и социальными явлениями в конкретной стране или регионе планеты. С этой точки зрения особый интерес представляет Украина – крупнейшее европейское государство с драматической историей и сложнейшей социально-политической ситуацией текущих лет. Согласно актуальным статистическим данным, 27% украинцев переживают постоянное чувство тревоги, более 37% находятся в состоянии депрессии, а 75% не имеют доступа к квалифицированной психологической помощи (75% українців – <https://24tv>).

Целью статьи является выявление специфики негативных психических состояний в нашем обществе, их отражения в социальном поведении и коммуникативных дискурсах. С учетом необъятного масштаба проблемы остановимся на таком отдельном поведенческом паттерне как ангедония. Отследим ее особенности, а также попробуем наметить некие реабилитационные процедуры в данной сфере.

Внимание к явлению ангедонии продиктовано ее бесспорным присутствием в обществе, и для анализа феномена присоединяемся к его энциклопедическому определению: „Ангедония — психическое состояние, которое характеризуется общим отсутствием интереса к жизни, утратой способности наслаждаться и радоваться“ (Большой психологический словарь – <https://gufo>). В истории науки рождение ангедонии в качестве термина и научного концепта связы-

вают с трудом „Психология чувств“ французского психолога конца XIX в. Т. Рибо (Рибо 1898). И хотя изучение родственных состояний, как депрессия, апатия, меланхолия, психостения (по Пьеру Жене), насчитывает сотни трудов предшественников, введение новой дефиниции оказалось уместным. Т. Рибо выявил важные психологические маркеры ангедонии: по его мнению, человек, пораженный этим недугом, автоматически функционирует как социальный субъект, но в отличие от других „страдальцев“ живет с большей долей отчуждения от мира, т.к. распространяет потерю радости и на физические, и на духовные, и на душевные аспекты.

В целом ретроспективные исследования ангедонии неоднозначны: она то присутствовала в поле научных исследований, то исчезала и опять появлялась с новыми смысловыми нюансами. В итоге сложилась традиция подхода к ангедонии как к ведущему параметру депрессии и шизофрении. А. Мейерсон утверждал, что именно с ангедонии как эмоционального обеднения начинается манифестация психоза, приводящая к заболеванию (Myerson 1922), ее рассматривали как интеллектуально-эстетическую, социальную и физическую патологию, как тотальную потерю эмоциональных реакций, врожденную эмоциональную холодность и черту характера (James 1902). Подобные мысли отстаивали Е. Блойер, Х. Еу, В. Гризингер, В. Карпентер, Е. Крепилин, А. Снежевский. В наше время разработана специальная Шкала диагностики ангедонии – SHAPS, где ее уровень коррелируется с предшизофреническими симптомами (Психологическая диагностика – <https://sites>). Некоторые исследователи объясняют подобные качества наследственностью, определенным генотипом (Noran 2005), трактуют ее как часть негативной симптоматики (Carpenter 1988), именуют психической анестезией (Гризингер 2012). Отметим нынешнюю тенденцию к сбору анамнеза ангедонии в сугубо клиническом аспекте. М. Хусен анализирует ангедонию вкупе с апатией как потерю витальной мотивации (Husain 2018), Ф. Горвод включает феномен ангедонии в структуру большого депрессивного расстройства как основной его признак по шкале DSM-IV (Gorwood – <https://pdfs.semanticscholar>), А. Хефлих изучает ангедонию в нейробиологическом ракурсе с точки зрения потери человеком «ожидания награды» и предлагает в терапевти-

ческих целях перейти к прямой стимуляции мозговых центров, отвечающих за удовольствие (Höfllich 2019). С. Кайя также связывает ангедонию с нарушениями „принципа вознаграждения“ и подчеркивает первостепенную роль этого нарушения в суицидальных состояниях (Кауа 2019).

При этом очевиден дефицит исследований социальных предпосылок ангедонии и ее проявлений в коллективном поведении в структуре повседневности. Также отметим недостаточное звучание темы в украинской научной рефлексии, где только разворачивается данная проблематика. Е. Юрьев усматривает причины ангедонии украинцев преимущественно в экономических факторах, снижении уровня жизни населения, оттоке рабочей силы за рубеж, что, судя по мировому опыту, не является однозначными предпосылками. Но можно согласиться с идеей автора о деструктивном влиянии тоталитарных идеологий на психику людей, рожденных в СССР, у которых крушение прежних мифов и кардинальные социальные разочарования плюс идеологический вакуум последующих лет наверняка повлияли на восприятие мира (Юрьев 2004). Обращает на себя внимание монография Е. Глевахи и Н. Панина о «социальном безумии» жителей постсоветских стран, отраженном в жизненной неудовлетворенности и «посттоталитарной социопатии» (Головаха 1994). В последнее время все чаще появляются работы, где раскрывается влияние социальных катаклизмов в Украине на психическое здоровье населения. Отслеживаются травматические социальные факторы и обусловленные ими невротичные реакции, приводящие к стойкому ПТСР – посттравматическому стрессовому расстройству (Матяш 2016 – <https://www.umj>). Периодически проводятся международно-практические конференции, посвященные „травме войны“ и негативным психическим симптомам. Рассматриваются конкретные реабилитационные и адаптивные меры для коррекции поведения и лечения пострадавших: аутотренинги, арт-терапия, медитативные практики, приемы социальной адаптации (Психосоціальна підтримка – <https://gurt>). Однако внимание к ангедонии как базовому симптому, детерминирующему деструктивные процессы, остается явно недостаточным как в теоретическом, так и в практичес-

ком ключе. Поэтому стоит более детально изучить данное явление, его социально-психологическую природу и мировоззренческие аспекты, формирующие коммуникацию в этом русле.

• *Исторический фактор. Виктимность.* История Украины драматична и наполнена хроникой социальных потрясений. Находясь в центре Европы, изначально занимая буферное геополитическое положение, Украина на протяжении сотен лет страдала от завоевателей и вынуждена была вести войны за независимость. Времена Киевской Руси ознаменовались постоянным противостоянием набегам чужеземцев и яростными междоусобицами; при этом до наших дней дошли сокровища культуры той поры, подтверждающие ментальное стремление к единству и культурному прогрессу: летописи, зодчество, живопись, фрески, самобытный фольклор. Эпоха украинского Возрождения барокко представила крупные научные и культурные сообщества на нашей территории, в частности, возрожденную ныне Киево-Могилянскую академию, куда приезжали обменяться опытом ученые мужи со всей Европы того времени. Более двух веков просуществовала легендарная Запорожская Сечь, чьи традиции изучаются и поныне. События последующих столетий, процессы урбанизации, коллективизации, индустриализации времен СССР, многомиллионная миграция сельского населения в промышленные центры, волны эмиграции, отмирание народной культуры в угоду маргинальности больших городов, массовый голод, нищета и войны, прокатившиеся по нашей земле, оставили горький след в истории.

Сегодня, транслируя достояние прошлого, культурная политика страны в большей мере акцентируется на трагическом опыте. Безусловно, такие страшные события как Голодомор, репрессии, войны требуют дальнейшего осмысления для передачи исторической памяти и скорби, формирования патриотизма и национальной идентичности, но наряду с этим необходимы убедительные примеры побед, героизма и духовного богатства нашего талантливого многонационального народа. Пока что оставляет желать лучшего формирование плеяды национальных героев, поскольку для части украинцев они остаются неоднозначными фигурами. Причина – в отсутствии публичного освещения мнения ученых-историков, спо-

собных профессионально объяснить ценность тех или иных личностей для становления Украины. Медиа-пространство заполняется дискуссиями псевдознакоков исторического контента, противоборствующих в своих субъективных позициях, а академические ученые по-прежнему занимают узкую нишу университетских семинаров и НИИ. Не имея убедительной героики и популяризации фактов побед, коллективное сознание тяготеет к „комплексу жертвы“, что сказывается на индивидуальном деструктивном мировоззрении многих украинцев, культивируя виктимность, страдания и несчастье. Знаменательно, что даже ставшая мировым хитом песня группы „Казка“ несет рефрен: „Я плакала“.

При этом отметим следующий парадоксальный факт. Именно коллективное переживание несчастий и социальных вызовов зачастую объединяет народ и вдохновляет действовать сообща, рождая новые смыслы и новые формы человеческого содружества. Примером тому стали Померанчевая революция, Революция Достоинства, мощные добровольческие и волонтерские движения. Но заметим, что гражданское воодушевление затрагивает только определенную пассионарную часть населения. Остальные же оказываются в тисках когнитивного диссонанса и наращивании ангедонии.

• *Когнитивный диссонанс.* Война и мир. На протяжении последних 6 лет Украина находится в состоянии гибридной войны и внешней агрессии. Более 13 ого украинцев стали жертвами военных действий на востоке страны. Тысячи семей на много лет получили огромную психологическую травму потери. Переживание трагедии исключительно глубоко, т.к. военным действиям предшествовал долгий период мирной жизни и демилитаризации; тысячи людей, мобилизованных в зону АТО, ни психологически, ни тактически не были готовы стать солдатами, за исключением батальонов добровольцев, сознательно избравших путь воина. Пережив ужасы войны, гибель друзей, ранения или плен, вернувшись домой зачастую в состоянии инвалидов, участники боевых действий в большинстве своем требуют психологической реабилитации, как и их ближайшее окружение. При этом бóльшая часть населения, живя в мирных городах, переживает трагедию войны виртуально, получая ежедневные сводки из зоны военных действий, к которым невозможно относить-

ся равнодушно. Этот затянутый военный конфликт в центре Европы становится огромным испытанием прежде всего для Украины. Отсутствие определенности и уверенности в мирном урегулировании рождает тоску, безнадежность, отчаяние у миллионов людей.

В еще большей мере процесс усугубляется осведомленностью о непомерной тяге к роскоши и непреодолимой коррупции в среде олигархата и приближенных к ним. Кричащие факты социальной несправедливости вводят в психологический ступор, в когнитивный диссонанс, рожают компенсаторную агрессию. Добавим к этому культ потребления и непомерное распространение торговых центров в украинских городах, способствующие приоритетам консьюмеризма и демонстративного потребления. При этом агрессивные настроения катализируются языком вражды в масс-медиа и в сети Интернет.

• *Политика вместо культуры.* Почти тридцать лет Украина является независимым государством и стремится обрести субъектность на мировой арене, утверждаясь в своем европейском выборе. Обладая огромными природными богатствами и ценнейшим социальным капиталом, демонстрируя миру разнообразие интеллектуального и культурного наследия, страна все же до сих пор страдает от внешнего влияния и от внутреннего кризиса власти, от болезненных социальных противоречий. На этом зачастую спекулируют представители политики и бизнеса, используя медиа-ресурсы. Можно сказать, что в информационном пространстве и в неформальном общении на сегодняшний день политика тотально заменила культуру, т.к. именно представители политической элиты и политологи – основные спикеры теле-радио-сюжетов. Ситуация усугубляется резким противостоянием сторонников тех или иных политических сил и активной деятельностью «ботоферм», раздувающих неприязнь и булинг в социальных сетях по отношению к оппонентам. Язык вражды, преисполненный пренебрежения и сниженной лексики, заполняет информационное пространство, формируя у пользователей, читателей, зрителей стойкую агональность и высокую тревожность. Во многих регионах Украины возникают спонтанные конфликты обычных людей из-за различных политических взглядов и симпатий. Нередко это заканчивается драматично:

оскорблениями, драками, разрывом отношений и даже семейными ссорами и разводами. Появление „новояза“ на фоне политических процессов усугубляет деление на „своих“ и „чужих“, способствует развешиванию ярлыков: „русофилы“, „русофобы“, „майданутые“, „титушки“, „порохоботы“, „Зе-боты“, „бендеровцы“, „сепары“ и т.п.

• *Медиа-стресс*. Амбивалентность и некрофилия. В целом есть смысл говорить о перманентном информационном стрессе в обществе. Многие медиа-каналы работают согласно темникам, подавая информацию однобоко, раздувая неприязнь к определенным фигурам политикума. За исключением некоторых отечественных ремейков общемировых развлекательных шоу и пары познавательных программ, практически все масс-медиа политизированы и вещают в сугубо информационном, новостном или дискуссионном формате с заведомо определенными смысловыми акцентами. Заметим при этом, что телеканал „Культура“, непосредственно призванный нести духовность в массы, появляется в эфире исключительно в ночное время, и тогда же ночью по многим ТВ-каналам демонстрируются мультфильмы для детей, что не может не удивлять.

Помимо актуальных форс-мажорных новостей, медиа-программы переполнены репортажами о различных бедствиях: убийствах, несчастных случаях, авариях, изнасилованиях, природных катаклизмах, скандалах. Процентное соотношение подобной информации явно превалирует в общем информационном потоке, что дает основания говорить о „медиа-некрофилии“, способствующей развитию модального и катастрофического мышления у обывателя. Еще одним феноменом является амбивалентность подаваемой информации: одновременно забрасываются сообщения, прямо противоположные друг другу. И если погодные прогнозы типа „завтра будет снег“ и тут же – „завтра снега не будет“ вызывают легкий диссонанс, то противоречивая в подаче более острых тем, взаимоисключающая интерпретация фактов порождают у массового зрителя разрыв логического восприятия, а из-за невозможности понять суть событий – стойкое раздражение и ангедонию.

Однако необходимо сказать, что в Украине есть много талантливых и честных журналистов, готовых даже с риском для жизни преодолевать засилье фейковой информации, находить и озвучивать

правду. Некоторые из них, к сожалению, становятся жертвами своих противников.

• *Поп-психология.* Учитывая всеобщую атмосферу недовольства, тревоги и зачастую – экзистенциальной фрустрации людей, определенный слой специалистов с образованием или без, но с ловкостью коммерсантов разворачивает глобальную сеть тренингов, курсов, онлайн-обучения в сфере позитивной психологии. Книжные рынки и сайты заполнены поп-литературой, перепевающей приемы НЛП, дающей советы и „универсальные“ рецепты на все случаи жизни: „5 секретов богатства“, „Три ступени к счастью“, „20 шагов к обретению любви“ и т.п. Не менее популярны, как всегда в смутные времена, оккультные и эзотерические студии, где за немалую плату обещают избавить от проблем и научить радоваться жизни. В этом ряду стоит отметить небывалую популярность харизматичных сект, где люди, получая позитивные опции участников, постепенно втягиваются в эмоциональную и материальную зависимость от лидеров, сужают сознание и собственные финансовые ресурсы. Не исключая некий терапевтический эффект выше упомянутых мероприятий, заметим, что для экзистенциальной трансформации и тем более – для успешного излечения от травматичного опыта требуется пролонгированная, глубинная работа профессиональных психологов, психиатров и психотерапевтов, социальных работников, ученых и самих мотивированных субъектов личностной коррекции.

• *Пути коррекции.* Наряду с перечисленными негативными факторами в Украине, которые свидетельствуют о „больном обществе“, все чаще проявляются гражданские инициативы для взаимопомощи, общения и сотворчества людей, постепенно рождается креативный класс. Расширяют свои консолидирующие функции библиотеки, клубы, галереи, превращаясь в культурные центры плодотворного досуга. Участники микросоциумов обретают радость общения, обогащаются интеллектуально. С учетом того, что в Украине каждый 5-й житель – пенсионер, появляется все больше локаций для функционирования „Университета третьего возраста“. Увеличивается количество социальных служб и центров реабилитации, работают „горячие линии,“ анонимной психологической помощи. Домá ученых консолидируют профессиональных лекторов – пси-

хологов, философов, медиков, изобретателей. Развивается и становится брендовым украинский кинематограф. Сотнями исчисляются молодежные старт-апы в сферах ревитализации и джентрификации городов: некогда депрессивные промзоны преобразовываются в творческие локации. В целом можно говорить о взлете креативности в активной среде общества, что, вероятно, является компенсаторным механизмом защиты от стрессового фона жизни.

Однако этого явно недостаточно, как и недостаточно публичной информации в данной сфере. Очевидно, что для повсеместного преодоления ангедонии требуется принципиально новая информационная и культурная политика: рост позитивных репортажей и объективных независимых мнений, незаангажированных голосов научной и творческой интеллигенции, идей единения, освещения культурных свершений и вдохновляющих исторических сюжетов. Необходим приоритет психологических служб в инфраструктуре „вспомогательных“ услуг населению, повсеместное освещение общих психологических проблем, их диагностика, коррекция и грамотная работа по дополнительной фармакологической помощи. Ведь вследствие монополии на рынке лекарств львиная доля рекламы пропагандирует сомнительные препараты, побуждающих к самолечению, а общий низкий уровень жизнеобеспечения, экономики, медицины, экологии также очевидно является питательной средой ангедонии. При этом стоит указать на парадоксальные отличия ангедонии в украинских реалиях от других.

Первый парадокс заключается в том, что традиционно ангедония сопровождается аномией, социальной апатией, но в наших условиях люди, подверженные ангедонии, пребывают в состоянии социальной активности и даже гиперактивности, находя в интенциях социальной агрессии и обличений самореализацию, обретая в собственных глазах особую значимость и „право на истину“. Очевидно, что душевно-духовные аспекты личности растворяются в презентациях и претензиях такого рода.

Второй парадокс состоит в том, что в медийном и неформальном общении украинцев ведущее место занимают разговоры на тему „как все плохо“. Собеседники готовы часами перечислять негативные факторы жизни и артикулировать неверие в

перемены, что вызывает аналогию с симптомом „отказа от награды“, описанным выше. Удивительным образом пересекающиеся позиции жертвы среди коммуникантов приносят некое духовное облегчение, создавая эмпатию: „поговорили о том, как все плохо, почувствовали единение, и лучше стало“. Тем самым, возможно, купируется опасность фатальных исходов индивидуальной ангедонии.

Третий парадокс состоит в переходе индивидуальной формы в коллективную ангедонию, подогреваемую масс-медиа. Данные парадоксы требуют дальнейшего углубленного изучения.

Таким образом, обратившись к опыту повседневности, мы очертили социально-коммуникативные предпосылки распространения ангедонии среди населения Украины: исторически сложившуюся виктимность, стрессовый фон, когнитивный диссонанс в условиях гибридной войны, замену культурного контента политическим, амбивалентность, заангажированность и „некрофилию“ информационного пространства, распространение языка вражды и поп-психологии. Отметим зарождение креативного класса и гражданских инициатив в пассионарной части украинского народа, выявили парадоксы ангедонии в данных реалиях.

В качестве коррекции ангедонии наряду с фармакологическим лечением необходима широкая сеть психологической диагностики и терапии. Однако с учетом глубинных причин личностных кризисов нам кажется весьма актуальным дополнить психологическую помощь кабинетами философского консультирования. Ведь психологические травмы страдающих ангедонией соседствуют с глобальными экзистенциальными проблемами: потерей смысла жизни и соответственно – потерей радости жизни. Одним из философских ресурсов является интеллектуальное наследие отечественной науки: в частности, учение „украинского Сократа“ Григория Сковороды, его „философия сердца“, украинская „философия счастья (кордоцентризм)“, учение о „среднем труде“. Обращение к логотерапии В. Франкла, к практикам экзистенциальной психологии и к философии диалога, ведущим философским текстам и концептам также может значительно обогатить и усилить терапевтический эффект воздействия на тех, кто потерял радость жизни.

В идеале единство нации вокруг патриотичных лидеров, грамотная информационная и культурная политика, реальные социальные

реформы и установление мира наряду с профессиональной работой психологических служб способны оздоровить общество, преодолеть личностную и коллективную ангедонию.

БИБЛИОГРАФИЯ VIBLIOGRAPHY

1. **Большой психологический словарь** // Bolyshoj psihologicheskij slovar> https://gufo.me/dict/psychologie_dict/%D0%90%D0%9D%D0%93%D0%95%D0%94%D0%9E%D0%9D%D0%98%D0%AF.

2. **Головаха, Е. И., Панина, Н. В. 1994:** Головаха, Е. И., Панина, Н. В. Социальное безумие. Киев: Изрис, 168 с. // **Golovaha, E. I., Panina, N. V. 1994:** Golovaha, E. I., Panina, N. V. Socialnoe bezumie. Kiev: Izgris, 168 s.

3. **Гризингер, В. 2012:** Гризингер, В. Душевные болезни: О распознавании и лечении сумасшествия. Пер. с нем. Под ред. Овсянникова Ф. В. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»; 568 с. // **Grizinger, V. 2012:** Grizinger, V. Dushevnye bolezni: O raspoznavanii i lechenii sumasshestviya. Per. s nem. Pod red. Ovsyannikova, F. V. Moskva: Knizhnyj dom «LIBROKOM»; 568 s.

4. **Матяш, М., Худенко, Л. І. 2016:** Матяш, М., Худенко, Л. І. Соціально-стресові розлади у структурі українського синдрому. *Український медичний часопис*. 3 (113) – V/VI 2016: Оригінальні дослідження. // **Matyash, M., Hudenko, L. I. 2016:** Matyash, M., Hudenko, L. I. Socialno-stresovi rozladi u strukturі Ukraїnskykogo sindromu. *Ukraїnsykyj medichnyj chasopis*. 3 (113), V/VI: Originalnyi doslidzhennya. <https://www.umj.com.ua/article/97761/sotsialno-stresovi-rozladi-u-strukturі-ukrayinskogo-sindromu>

5. **Психическое здоровье человека** // Psihicheskoe zdorovye cheloveka – <https://focus.ua/world/409042-psichicheskoe-zdorove-chelovechestva-v-kriticheskom-sostoyanii--issledovanie>

6. **Рибо, Т. А. 1898:** Рибо, Т. А. Психология чувств. Пер. с франц. М.: Гольдсмит. СПб.: Изд. Ф. Павленкова; 480 с. // **Ribo, T. A. 1898:** Ribo, T. A. Psihologiya chuvstv. Per. s franc. M.: Golydsmit. SPb.: Izd. F. Pavlenkova; 480 s.

7. **Психологическая диагностика.** // Psihologicheskaya diagnostika-<https://sites.google.com/site/test300m/shaps>.

8. **Психосоціальна підтримка осіб з травмою війни: міжнародний досвід та українські реалії.** // Psihosocialna pidtrimka osib z travmoyu vijnі: mizhnarodnij dosvid ta Ukraїnsyki realii – <https://gurt.org.ua/news/conferences/42653/>

9. **Юрьев, Е. 2004:** Юрьев, Е. Феномен «виктимизации» украинского народа и психиатрия как наука, изучающая психические и поведенческие

ские расстройства человека. Юрьев Е. *Украина: взгляд психиатра*. Мысли, выступления, статьи (1999–2004). Днепропетровск: Пороги, с. 7–24. // **Yuriev, E. 2004:** Yuriev, E. Fenomen „viktimizatsiya“ ukrainского naroda i psihiatriya, kak nauka, izuchayustaya psihicheskie i povedencheskie rasstroystva cheloveka. // Yuriev, E. *Ukraina: vzglyad psihiatra. Mysli, vystupleniya, statii* (1999–2004). Dnepropetrovsk: Porogi, s. 7–24.

10. **75% українців** не мають доступу. // 75% ukraïnciv ne mayutʹ dostupu -https://24tv.ua/health/psihichne_zdorovya_v_ukrayini_shho_z_nim_ne_tak_n1045250

11. **Carpenter, WT Jr, Heinrichs DW, Wagman AM. 1988:** Deficit and nondeficit forms of schizophrenia: the concept. *American Journal of Psychiatry*. 145 (5): 578–583.

12. **Gorwood, Ph.** Neurobiological mechanisms of anhedonia. – https://pdfs.semanticscholar.org/a4ad/82886dc630065989302a7a1b9c45f52feba6.pdf?_ga=2.250910534.1394922902.1579938986-1450235715.1579938986

13. **James, W. 1902:** *The Varieties Of Religious Experience*. London: Longmans, Green & Co.

14. **Kaya, S. & McCabe, C. 2019:** Can Understanding Reward Help Illuminate Anhedonia? *Current Behavioral Neuroscience Reports*, volume 6, pages 236–242.

15. **Myerson, A. 1922:** Anhedonia. *Am J Psychiatry*, 79 (1): 87–103.

16. **Horan, W, Kring, A, Blanchard, J. 2005:** Anhedonia in Schizophrenia: A Review of Assessment Strategies. *Schizophrenia Bulletin*, 32(2): p. 259–273.

17. **Husain, M.** Neuroscience of apathy and anhedonia: a transdiagnostic approach. – *Nature Reviews Neuroscience*. 19(8):1 · June 2018, p. 470–484.

18. **Höflich, A., Michenthaler P., Kasper S., R. 2019:** Lanzenberger Circuit Rupert. Mechanisms of Reward, Anhedonia, and Depression. *International Journal of Neuropsychopharmacology*, Volume 22, Issue 2, February, Pages 105–118.

19. **World Health Organization 2018:** *Global Health Estimates 2016: Deaths by cause, age, sex, by country and by region, 2000–2016*. Geneva: World Health Organization, Geneva.